

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, 119146, Россия,
г. Москва, ул. 1-я Фрунзенская, д. 3а

Аннотация

В статье подробно рассматриваются историко-правовые основы становления и развития понятия объективной истины в уголовном процессе, проблемы развития института объективной истины в современный период. Сложившаяся в России система материального и процессуального права имеет глубокие исторические корни. Она создавалась эволюционным путем и, двигаясь постепенно от этапа судебной реформы середины XIX в., пройдя советский этап формирования права, сформулировала определенные правовые постулаты. Автор считает, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ явился продуктом своего времени, ориентированным на прозападные стандарты, вступающие в противоречие с традиционным российским мировоззрением. По мнению автора, необходимо исправить существующее положение в направлении укрепления правового суверенитета отечественного уголовного судопроизводства, поставив во главу угла истину в качестве цели доказывания. Должностные лица, олицетворяющие государственную власть в следственной, прокурорской, судебной сферах, обязаны принимать все меры к поиску истины по уголовному делу. В этом и состоят смысл и назначение уголовного судопроизводства, его нравственные начала.

Ключевые слова: объективная истина; уголовный процесс; УПК РФ; Следственный комитет РФ; англо-американская модель уголовного процесса; континентальная правовая система.

Для цитирования: Бастрыкин А. И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

Research Article

ON THE OBJECTIVE TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation,
3a 1st Frunzenskaia St., Moscow, 119146, Russia

Abstract

The article examines in detail the historical and legal foundations of the formation and development of the concept of objective truth in criminal proceedings, the problems of the development of the institution of objective truth in the modern period. The system of substantive and procedural law that has developed in Russia has deep historical roots. It was created in an evolutionary way and, moving gradually from the stage of judicial reform in the middle of the 19th century, having passed the Soviet stage of law formation, formulated certain legal postulates. The author believes that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was a product of its time, focused on pro-Western standards that contradict the traditional Russian worldview. According to the author, it is necessary to correct the existing situation in the direction of strengthening the legal sovereignty of domestic criminal proceedings, putting the truth as the goal of proof at the forefront. Officials representing state power (investigative, prosecutorial, judicial) are obliged to take all measures to find the truth in a criminal case. This is the meaning and purpose of criminal proceedings, its moral principles.

Keywords: objective truth in criminal proceedings; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; Investigative Committee of the Russian Federation; Anglo-American model of criminal proceedings; continental legal system.

For citation: *Bastrykin A. I. On the Objective Truth in Criminal Proceedings: History and Modernity. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

Введение

Философия права как научная дисциплина исследует смысл и сущность права, его основания и место в мире, его ценность и значимость, роль в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества.

Истина, о которой идет речь, имеет глубокое общественное звучание и соответствующим образом находит отклик у представителей различных сфер деятельности, в том числе в области уголовного процесса.

В уголовно-процессуальной сфере она, безусловно, носит прикладной характер и должна пониматься как цель, достижение которой обеспечивает справедливое решение по делу, в том числе обвинительный приговор лицу, виновному в совершении преступления.

1. Историко-правовые основы становления и развития понятия объективной истины в уголовном процессе

Эта цель имеет прочные исторические корни. В Соборном уложении 1649 г. уже содержалось требование о том, что суд в Московском государстве будет вести расправу «в правду», иначе говоря, рассматривать судебные тяжбы с целью установления истины.

В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» Петра I (1715) судье вменялось «знать права и разуметь правду, ибо не разумеющий правды не может рассудить ее» [1].

Перед Следственным комитетом РФ стоит ответственная задача по разработке мер государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, которую мы реализуем в том числе посредством участия в процессе совершенствования законодательства.

Один из вопросов, остро волнующих сегодня наших граждан, – это проблема обеспечения **справедливого правосудия, объективного предварительного и судебного следствия**.

Тема эта не нова. Достаточно сказать, что уже в процессе судебно-правовой реформы 1860-х гг. в Российской империи был четко обозначен такой правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Устав уголовного судопроизводства, наряду с другими уставами (Уставом гражданского судопроизводства, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Учреждением судебных установлений), принятыми в 1864 г., вне всякого сомнения, является образцом отечественного законодательства и правовой культуры.

Так, сравнивая Устав уголовного судопроизводства 1864 г. с соответствующими актами Европы, известный немецкий правовед того времени Карл Миттермайер писал, что «он (устав) стоит выше даже многих новейших законодательных работ» [2, с. 16].

И действительно, в ходе этой великой реформы суд стал гласным и открытым. Появилась состязательность (но не как самоцель процесса, а как способ познания истины), при которой стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств. Введено судебное следствие, на котором проверялись данные предварительного расследования. Судебная власть была полностью отделена от административной, а судебное следствие – от следствия полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов сделались несменяемыми, а мировые судьи – выборными. В ходе реформы кроме суда были реформированы прокуратура, нотариат, создано сословие присяжных поверенных (адвокатура).

Но самое главное – в той реформе был четко обозначен такой важный правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Вот дословная цитата того, что говорится о введении в российское судопроизводство состязательных начал в книге «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны»: «Начало судебного состязания сторон не исключает самостоятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. **Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины.** В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому, если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений» [3, с. 244].

Как видно из этого фрагмента, основоположники судебной реформы 1864 г. четко понимали **состязательность не как самоцель процесса, а как вспомогательный инструмент познания объективной истины по делу.**

Эти цель и назначение уголовного процесса позже были увековечены изречением, высеченным по личному указанию императора Александра II на здании Старого Арсенала (в нем располагался окружной суд): «Правда и милость да царствуют в судах».

Анатолий Федорович Кони в работе «Памяти Н. И. Стояновского» в связи с этим пишет: «В светлый весенний день... с горельефа, украшающего ворота Старого Арсенала на Литейном, спала завеса, и впервые заблестали слова «Правда и милость да царствуют в судах», слова, получавшие с этого дня возможность обратиться в дело» [4].

Именно с того времени в народном сознании укоренилось стремление «искать правду в суде».

И нам остается только сожалеть, что важнейшие идеи и ценности уголовного судопроизводства, определившие последующие правовые традиции не только российского, но и европейского уголовного процесса, а также тот величайший опыт проведения реформы, который был передан нам ее отцами в дошедших до нас изданиях, не был востребован составителями Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) 2001 г.

2. Проблемы развития института объективной истины в современный период

За 20-летний период работы Кодекса было принято порядка 300 федеральных законов (291), которыми внесено в него около двух тысяч тех или иных дополнений и изменений (1951).

Вместе с тем краеугольный камень в основание современного отечественного уголовного судопроизводства так и не положен. Речь идет о введении в уголовный процесс правового института объективной истины как цели доказывания.

Крайне досадно, что принятие кодекса, лишенного определения цели доказывания, стало попыткой отказаться от традиционных ценностей в пользу чуждой

нам англо-американской модели уголовного процесса путем механического ее насаждения в отечественную правовую систему.

В результате этого действующий УПК РФ тяготеет к чистой состязательности, в которой **суду отведена роль пассивного наблюдателя за противоборством сторон**, где судья выносит приговор, основываясь на тех доказательствах, которые ему предоставлены, и, проще говоря, в пользу той стороны, которая была на суде более убедительной.

В итоге по большому счету истина в уголовном процессе оказалась на заднем плане: ведь закон не предписывает познавать ее и позволяет быстро разрешить спор между сторонами без ее установления.

Кстати, в уголовном процессе США широко применяются различного рода формальные правила доказывания: презумпции, сделки с правосудием, в том числе в вопросах об оценке доказательств. Иными словами, то или иное обстоятельство может считаться для суда доказанным по соглашению сторон, без его проверки, даже в ущерб истине.

Сторонники подобной правовой идеологии состязательного процесса утверждают, что суд, ориентированный на инициативный сбор доказательств, невольно утратит объективность, встав на позицию какой-либо из сторон, как бы подыгрывая ей и нарушая баланс их равенства. В связи с этим утверждается, что концепция истины как ориентира в доказывании противоречит принципу состязательности. Отдельные ученые в пылу полемики даже утверждают, что истина в уголовном процессе – это порождение исключительно социалистического правосознания, которое желало прикрыть ею обвинительные репрессии.

Однако чем же плоха чистая состязательность, закрепленная в американском уголовно-процессуальном законодательстве? И почему она не подходит для нашего, российского процесса?

Дело в том, что справедливость правосудия в условиях такой состязательности может быть обеспечена только тогда, когда противоборствующие стороны (обвинения, защиты) изначально имеют равные возможности по собиранию доказательств и отстаиванию своей позиции в суде, т.е. находятся в равной «весовой категории».

Но российский уголовный процесс на досудебных стадиях традиционно не является состязательным.

Здесь доминирующим субъектом доказывания выступает орган предварительного расследования (следователь, дознаватель). Таким образом, на стороне обвинения находится вся мощь следственных действий, носящих принудительный и оперативно-розыскной и поэтому часто негласный характер.

Сторона же защиты на этом этапе фактически обладает лишь возможностями заявить ходатайство о производстве следственного действия, представить документы, которые могут быть отклонены стороной обвинения, а также опросить (допросить) лицо с его согласия.

В итоге на стадии судебного разбирательства сторона обвинения изначально находится в более выгодном положении, чем сторона защиты, так как обладает всей полнотой изобличающих доказательств.

На деле мы имеем поединок неравных соперников в суде. Поэтому неудивительно, что в подавляющем большинстве случаев стороне защиты не удастся преуспеть по аргументам обвинения, особенно если подсудимый пользуется бесплатным защитником.

В отличие от этого в англо-американском процессе нет как такового предварительного расследования, а судопроизводство на всех стадиях проходит в состязательной форме в условиях сбалансированного равенства сторон.

Именно поэтому в уголовном процессе континентальной правовой системы, где традиционно представлено полноценное досудебное производство (предварительное расследование), предусмотрена система противовесов, при которой следователь является не обвинителем, а независимым исследователем, а суд, разрешающий дело, обязан быть судом активным – в целях полного, объективного и всестороннего исследования всех имеющихся доказательств с главной целью – установления истины.

Эти позиции в том или ином виде заложены во все уголовные процессы стран континентального права. Так, ст. 81 УПК Франции гласит, что «следственный судья производит в соответствии с законом любые следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины. Он расследует дело как в сторону обвинения, так и в сторону защиты».

Параграф 244 УПК ФРГ устанавливает, что «для выяснения истины суд должен по своей инициативе распространить исследование доказательств на все факты, имеющие значение для принятия решения».

В 2022 г. мы торжественно отметили 11-ю годовщину создания новой федеральной структуры – Следственного комитета РФ.

С момента образования ведомства мы нацеливаем своих подчиненных на установление истины по уголовному делу.

Благодаря активному развитию наших следственных и криминалистических подразделений, оснащению Следственного комитета новейшим криминалистическим оборудованием в 2021 г. раскрываемость превысила уровень **95%** (95,4%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом – **98%**, а изнасилований – **99%**.

При этом в 2021 г. раскрыто почти семь тысяч (6913) преступлений по уголовным делам, приостановленным в прошлые годы. Более половины (57%) из них составили тяжкие и особо тяжкие преступления (3912), в том числе **768** убийств.

А всего за время работы ведомства более 11 лет наши следователи смогли раскрыть свыше **74 тыс. преступлений прошлых лет**, уголовные дела по которым были в свое время приостановлены.

За этот же период в суды передано **1 млн 107 тыс. 168** уголовных дел о преступлениях различных категорий в отношении **1 244 930** обвиняемых. При этом удельный вес оправданных судом лиц по делам Следственного комитета составляет не более **0,6%**. Потерпевшим от преступлений в ходе следствия возмещено **635 млрд** руб. Кроме того, наложен арест на имущество обвиняемых на сумму **416 млрд** руб.

В целом же в ходе упомянутой мной реформы следственных органов организационное и функциональное разделение предварительного следствия и проку-

рорского надзора позволило как следователю, так и прокурору быть более **объективным и беспристрастным**.

Но окончательно уйти от обвинительного уклона позволит лишь шаг, о котором мы давно и настойчиво говорим, – введение в уголовный процесс истины как ориентира доказывания для всех участников уголовного судопроизводства, государство через закон четко и однозначно поставит перед следователем, прокурором и судом задачу полно, объективно и всесторонне разобраться в произошедшем событии и принять все меры, направленные на отыскание истины.

Ведь цель уголовного судопроизводства для этих его участников, несмотря на различия их функций в состязательном процессе, едина. Она сформулирована в ст. 6 УПК РФ – это защита прав потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, назначения виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных. А эта цель может быть достигнута только тогда, когда правовая оценка содеянного основывается на истинных данных о событии преступления и когда судьба человека не зависит от красноречия сторон, а судья обладает всем арсеналом правовых средств постановления справедливого приговора.

Это невозможно без выяснения фактических обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, т.е. установления по делу **объективной истины**. Ведь принятие итогового решения на основании недостоверных данных приводит к неправильной уголовно-правовой оценке деяния, осуждению невиновного или оправданию виновного.

Таким образом, ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильно разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия.

Однако действующий УПК РФ не содержит требования о принятии публично-правовыми субъектами доказывания всех возможных мер, направленных на ее отыскание.

В связи с этим мы предлагали ранее и вновь предлагаем сейчас возродить в уголовном судопроизводстве отечественные традиции истины, нашедшие свое воплощение в судебных преобразованиях 1860 г., о которых мы сказали в начале этой статьи.

В связи с этим нельзя не отметить, что ст. 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а также ст. 257 УПК РСФСР 1922 г. **предписывали председателю в суде принимать меры и направлять ход дела к тому, чтобы была раскрыта истина**.

Но наиболее последовательно и системно этот принцип был реализован в УПК РСФСР 1960 г., который установил полноту, объективность и всесторонность в качестве основного принципа уголовного судопроизводства.

При этом для восполнения неизвестных обстоятельств дела допускалось установление их не только прямыми, но и косвенными доказательствами, которые в своей совокупности также приводили к истинному знанию.

Традиционно в российском уголовном судопроизводстве суду отводилась активная роль в доказывании. В целях обеспечения полноты, объективности и все-

торонности УПК РСФСР позволял председательствующему собирать доказательства и устранять пробелы в доказательственной базе.

Анализ разработанной отечественными учеными доктрины объективной истины, которая легла в основу кодекса 1960 г., позволяет утверждать, что она не была оторвана от реальности.

Эта доктрина учитывала то обстоятельство, что уголовно-процессуальное исследование фактов преступного события объективно ограничено возможностями человеческого познания, опосредованным характером изучения преступления, которое является событием прошлого, свойствами следовой информации со временем видоизменяться и уничтожаться, а также многими иными факторами объективного и субъективного характера.

При активном участии Следственного комитета в Государственную Думу депутатом Александром Ремезковым в январе 2014 г. был внесен законопроект (№ 440058-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [5], который в июле 2018 г., к сожалению, был снят с рассмотрения.

В законопроекте предлагается модель **сбалансированной состязательности**, ориентирующая публично-правовых субъектов доказывания (не только суд, но и дознавателя, следователя и прокурора) на активную и беспристрастную роль в познании истины по делу.

Одним из элементов такой модели должно было стать наделение судьи обязанностью проявлять активность в сборе доказательств при их недостаточности для обеспечения правильного разрешения дела на основе достоверных знаний. Это бы укрепило независимость судебной власти, так как позволило бы суду не связывать себя мнением сторон и выйти за пределы представленных ими доказательств по своему усмотрению.

Законопроект широко обсуждался в обществе. Многие его поддержали. Так, был получен положительный отзыв Верховного Суда РФ, и позиция Следственного комитета совпала с позицией Верховного Суда.

Но есть и остаются оппоненты, которые считают, что эта предложенная нами инициатива – происки следственных органов, направленные на облегчение их работы.

Это совершенно ложное утверждение. Следователи знают жизнь уголовного судопроизводства, что называется, изнутри, поэтому хорошо видят его реальные недостатки. На самом деле обязанность принимать все меры к установлению действительных обстоятельств уголовного дела (т.е. установление истины) только добавит забот следственным органам, но никак не упростит их деятельность. Процесс доказывания усложнится, но тем не менее мы ратуем за объективную истину, ее присутствие в уголовно-процессуальном законодательстве, так как это полностью отвечает интересам наших граждан и их конституционному праву на объективный и справедливый приговор.

Следует особо отметить, что законопроект вызвал бурную реакцию прежде всего адвокатского сообщества как якобы посягающий на конституционные принципы состязательности сторон, презумпцию невиновности.

На самом деле законопроект нисколько не противоречит состязательности уголовного судопроизводства. Объясним почему.

Справедливость правосудия в России, как уже было отмечено, традиционно связывалась с истиной. Российские юристы всегда исходили из того, что невозможно вынести справедливый приговор, основываясь на недостоверных или неполных данных. Такой приговор будет ущемлять либо права потерпевшего, либо права обвиняемого.

Наши предки исходили из того, что истина в уголовном процессе будет достигнута тогда, когда положительные или отрицательные ответы на вопросы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, будут соответствовать тому, что имело место в действительности. В первом случае результатом этого будет обвинительный приговор, а во втором – оправдательный. То же самое относится и к предварительному следствию.

Об этом еще в 1886 г. замечательно емко и очень образно выразился прокурор Московской судебной палаты, будущий генерал-прокурор и министр юстиции Николай Валерианович Муравьев: «следователь кладет фундамент, на котором стоны, обвинение и защита, возводят стены... Следователь в значительной степени держит в своих руках судьбу уголовной истины» [6, с. 327]. И мы стараемся сделать так, чтобы этот фундамент был прочным.

Как уже отмечалось, своих следователей мы всегда нацеливаем на поиск истины. Но процессуальная обязанность поиска правды по уголовному делу должна быть и у суда, так как именно он обязан обеспечить справедливость правосудия.

Думаю, ясно и то, что судебный приговор должен быть основан на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств совершенного деяния, а состязательность в данном случае может выступать необходимым подспорьем к этому.

В качестве цели доказывания истина определена, как я уже говорил, в уголовно-процессуальных кодексах Германии и Франции. В том или ином виде она присутствует в уголовно-процессуальных кодексах большинства стран СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдова, Грузия и другие).

Вместе с тем некоторые ученые говорят нам о том, что в условиях, когда органы предварительного следствия недоработали, представили неполные доказательства, **суд не обязан устранять такие недоработки предварительного следствия**, а просто должен оправдать подсудимого. Именно в этом, **по их мнению**, и заключается принцип презумпции невиновности.

Полагаем, что такое понимание этого незыблемого принципа не соответствует ни нашей Конституции, ни нормам международного права.

Конституционный Суд, определяя конституционно-правовой смысл выводов, сделанных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, неоднократно отмечал, что они носят предварительный характер, а само досудебное производство призвано служить целям полного и объективного разбирательства дела в суде.

Поэтому суд должен исправить ошибки, допущенные на досудебной стадии. На возможность исправления следственных ошибок в части квалификации содеянного по менее тяжкой статье направлено вынесенное в июле 2013 г. Постанов-

ление Конституционного Суда по проверке конституционности ст. 237 УПК РФ, согласно которому эта статья признана неконституционной, а за судом закреплено право в целях обеспечения справедливого правосудия ухудшать положение подсудимого посредством возвращения уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения [7].

Об этом говорит и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «каждый, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Из сказанного следует единственно возможный вывод: институт объективной истины **не только не противоречит принципу презумпции невиновности**, но и делает ее реально работающей, **обеспечивая защиту интересов обвиняемого, а также права потерпевшего**.

Еще раз подчеркнем: законопроект об объективной истине направлен прежде всего на то, чтобы вернуть российскому судье высокую роль независимого вершителя правосудия, что позволит значительно повысить доверие наших граждан к судебной системе.

Заключение

Но вернемся еще раз к отечественной юриспруденции и вспомним, что во многих произведениях знаменитых российских юристов и судебных деятелей, особенно в трудах Анатолия Федоровича Кони и Сергея Аркадьевича Андреевского, последовательно отстаивались институты правды и истины для правосудия.

Так, например, в очерке «Нравственные начала в уголовном процессе» Анатолий Федорович Кони справедливо заметил: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «Я так хочу». Он должен говорить: «Я не могу иначе». «Не могу», потому что и логика вещей, и внутренне чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека» [8].

Сергей Аркадьевич Андреевский (товарищ прокурора Петербургского окружного суда, а позднее – адвокат) отмечал: «В правде есть что-то развязывающее руки, естественное и прекрасное. Если вы до нее доищетесь, то какой бы лабиринт нелепых взглядов и толкований ни опутывал дело, вы всегда будете чувствовать себя крепким и свободным. Если даже дело проиграется, то вы испытаете лишь нечто вроде ушиба от слепой материальной силы».

А прославленный российский юрист Федор Никифорович Плевако в одну из годовщин издания Судебных уставов 1864 г. справедливо отмечал, что уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, они – для водворения правды на Руси.

Сложившаяся в России система материального и процессуального права имеет глубокие исторические корни. Она создавалась эволюционным путем и, двигаясь постепенно от этапа судебной реформы середины XIX в., пройдя советский этап формирования права, сформулировала определенные правовые постулаты.

Оглядываясь на 20 лет назад, представляется вполне очевидным, что УПК РФ явился продуктом своего времени, ориентированным на прозападные стандар-

ты, вступающие в противоречие с традиционным российским мировоззрением. Полагаем, что настала пора исправить существующее положение в направлении укрепления правового суверенитета отечественного уголовного судопроизводства, поставив во главу угла истину в качестве цели доказывания.

Должностные лица, олицетворяющие государственную власть (следственную, прокурорскую, судебную), обязаны принимать все меры к поиску истины по уголовному делу. В этом и состоит смысл и назначение уголовного судопроизводства, его нравственные начала.

Пристатейный библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1986.
2. *Mittermeier K.* Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866.
4. Речь, посвященная памяти Н. И. Стояновского, 1901 год. Опись дел фонда А. Ф. Кони за 1880–1931 гг. // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина.
5. Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Муравьев Н. В.* О судебной службе : беседы с кандидатами на судебные должности / *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Кони А. Ф.* Избранные произведения. М. : Госюриздат, 1956.

References

1. Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1986. (In Russ.)
2. *Mittermeier K.* A New Project of Russian Criminal Justice Proceedings. *Journal of the Ministry of Justice*, 1864, vol. 22. (In Russ.)
3. Judicial Statutes of 20 November 1864 with a Statement of the Reasoning on Which They Are Based. St. Petersburg, 1866. (In Russ.)
4. Speech Dedicated to the Memory of N. I. Stoianovskii, 1901. Inventory of the Affairs of the A. F. Koni Foundation for 1880–1931. *Presidential Library named after B. N. Yeltsin*. (In Russ.)
5. Draft Law No. 440058-6 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Establishing Objective Truth in a Criminal Case” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. *Muraviev N. V.* On the Judicial Service: Conversations with Candidates for Judicial Positions. In *Muraviev N. V.* From Past Activities. St. Petersburg, 1900. Vol. 1. (In Russ.)

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 July 2013 No. 16-P “On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of a Citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadaev and the Request of the Kurgan Regional Court” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. *Koni A. F.* Selected Works. Moscow: Gosizdat, 1956. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. И. Бастрыкин – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ.

Information about the author:

A. I. Bastrykin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 07.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 27.02.2023.